

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-740-756>
EDN: VUSVGS

Научная статья / Research Article

Преломление византийских и древнерусских идей в этико-политических трудах Иоанна IV Грозного

А.А. Волкова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 dead-ligea@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению этических истоков и основ патриотизма в посланиях первого русского царя Иоанна Васильевича Грозного князю Андрею Курбскому. В эпистолярном наследии русского государя, направленном, в первую очередь, внутригосударственным и внешнеполитическим оппонентам, выявлен синтез этических и идеолого-политических подтекстов. Система аргументации Грозного строится в фокусе рассмотрения проблемы зла и ответственности за него и опирается на восточнохристианскую традицию, согласно которой понятия зла и греха тождественны, а самым страшным грехом выступает предательство Бога. Показано, что кроме византийских источников парадигма этико-политических построений Иоанна Грозного включает и собственно русские («Поучение» Владимира Мономаха, «Просветитель» и послания Иосифа Волоцкого, «Сказание о князьях Владимирских»). Это позволяет сделать вывод о том, что концепция зла у русского царя приобретает патриотическое звучание за счет включения новых компонентов в византийскую схему представлений об истинном зле. По мысли Грозного, самым страшным грехом выступает измена Богу, Родине и царю. Проанализировано философское осмысление Иоанном Грозным понятий Родины и государя, выступающих микрокосмической и макрокосмической моделями, часто отождествляемыми между собой. Концепт Родины в мировоззрении Иоанна IV выступает совокупностью таких образов, как макрокосм (живой организм), государство (держава), православный остров («третий Рим» и «Святая Русь»). Государь всея Руси, по мысли средневекового мыслителя, совмещает в себе признаки человека и сверхличности (наместника Бога, несущего ответственность за весь свой народ). Миссия русского царя как одна из основных форм служения и защиты Родины видится Иоанну Васильевичу в борьбе с истинным злом.

Ключевые слова: византийская патристика, философия средневековой Руси, Иоанн Грозный, этика, Родина, ответственность за зло

Информация о финансировании и благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00050 «Византийская философия как феномен взаимовлияния западной и восточной культур и источник формирования философии в Древней и Средневековой Руси».

© Волкова А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 18.03.2024

Статья принята к публикации 01.07.2024

Для цитирования: Волкова А.А. Преломление византийских и древнерусских идей в этико-политических трудах Иоанна IV Грозного // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 3. С. 740–756. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-740-756>

The Refraction of Byzantine and Ancient Russian Ideas in the Ethical and Political Writings of John IV the Terrible

Anastasiia A. Volkova

RUDN University, Moscow, Russia

 dead-ligeia@mail.ru

Abstract. The research is devoted to the study of the ethical origins and foundations of patriotism in the letters of the first Russian tsar John the Terrible to Prince Andrei Kurbsky. The epistolary legacy of the Russian sovereign, directed primarily to domestic and foreign policy opponents, reveals a synthesis of ethical and ideological-political overtones. John's argumentation system is based on the focus of consideration of the problem of evil and responsibility for it and is based on the Eastern Christian tradition, according to which the concepts of evil and sin are identical, and the most terrible sin is betrayal of God. It is shown that in addition to Byzantine sources, the paradigm of the ethical and political constructions of John the Terrible also includes Russian ones (“Teaching” of Vladimir Monomakh, “Enlightener” and the Epistles of Joseph Volotsky, “The Tale of the Princes of Vladimir”), which allows us to conclude that the concept of evil of the Russian Tsar acquires a patriotic sound due to inclusion of new components in the Byzantine scheme of ideas about true evil. According to John the Terrible, the most terrible sin is treason to God, the Motherland and the tsar. The study analyzes John the Terrible's philosophical understanding of the concepts of Homeland and sovereign, acting as microcosmic and macrocosmic models, often identified with each other. The concept of the Motherland in John IV's worldview is a combination of such images as the macrocosm (a living organism), the state (empire), the Orthodox island (“third Rome” and “Holy Russia”). The sovereign of all Russia, according to the medieval thinker, combines the signs of a human and a superpersonal (the vicar of God, responsible for all his people). The mission of the Russian tsar as one of the main forms of service and protection of the Motherland is seen by John in the fight against true evil.

Keywords: Byzantine patristics, philosophy of medieval Russia, John the Terrible, ethics, Homeland, responsibility for evil

Funding and Acknowledgement of Sources. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Scientific Foundation № 22-18-00050 “Byzantine philosophy as a phenomenon of mutual influence of Western and Eastern cultures and a source of philosophy formation in Ancient and Medieval Russia”.

Article history:

The article was submitted on 18.03.2024

The article was accepted on 01.07.2024

For citation: Volkova AA. The Refraction of Byzantine and Ancient Russian Ideas in the Ethical and Political Writings of John IV the Terrible. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(3):740–756. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-740-756>

Преступления, жестокость, насилия, человеконенавистничество, все это ополчается на нас и на нашу Родину, но все это только и можно, только и нужно одолеть ради благоденствия Родины. Возмутиться отдельным преступным актом и вступить с ним в борьбу – мало. <...> Нет, победить противника не ради себя и не ради своей идеи, и даже не ради только ближнего, а ради самой Родины – вот где *подлинное осмысление всякой человеческой борьбы против зла*.

А.Ф. Лосев «Жизнь»

Введение

XVI век в истории русского государства – наиважнейший этап развития страны, насыщенный значительными политическими и культурными событиями, это время противоречивое и мятущееся, ознаменованное закатом средневековья и зарождением нового времени. При окончательном оформлении и развитии государственной идеологической теории «Москва – третий Рим» Русь, расширяя свои владения за счет присоединения ханств бывшей Золотой Орды, приобретает статус царства, а русская церковь получает независимость от Константинополя. Завершается формирование русской самоидентичности и общерусской культуры, которая, в свою очередь, переживает своего рода возрождение, несмотря на преобладание еще средневекового мышления, связанного с приоритетом религиозного мировоззрения над светским. Строятся новые города и крепости, каменное зодчество и изобразительное искусство переживают небывалый подъем. Появляется книгопечатание, что открывает совершенно новые перспективы для развития литературного и научного творчества.

Между тем XVI век – это эпоха рождения не только нового государства на геополитической карте мира, но и нового надмирного метафизического пространства, благословленного, по мысли средневековых авторов, Господом, со своей собственной ни на что не похожей «русской душой» и своей самобытной и неоднозначной «русской идеей», пространства, где на пересечении горнего и дольного, земного и вечного рождается духовность «Святой Руси». Одним из проводников новых поисков смысла, связанных с видоизмененной реальностью, становится виднейший мыслитель своего времени, личность, к сожалению, до сих пор до конца не изученная, неординарная и неоднозначная, о деятельности и мировоззрении которой в историографии

сохранилось значительное количество противоречивых мнений, – Иоанн Васильевич Грозный, чей голос из глубины веков звучит то властно и грозно, то иронично, то лирически приподнято – но всегда очень живо, ярко и уверенно [1. С. 7]. Образованнейший человек своего времени и оригинальный мыслитель развивает наиважнейшие идеи, отвечая на вызовы современности – чем должен руководствоваться государь большой державы в решении политических и нравственных вопросов, каковы грани и границы его ответственности, что такое долг перед Родиной и, наконец, что является моральной основой патриотизма.

Этико-политическая программа царя Иоанна Васильевича: истоки и оригинальность идей

Свою этико-идеологическую программу царь и великий князь всея Руси Иоанн Васильевич размещает на страницах ответных посланий князю Андрею Курбскому¹, бывшему царскому воеводе, перешедшему на сторону Великого княжества Литовского и Королевства Польского во время Ливонской войны и направившему российскому государю письмо из Литвы, полное обвинений в адрес царя. Иоанн IV пишет пространственный ответ, парируя нападки своего бывшего боярина и выстраивая свою собственную государственную идеолого-политическую концепцию². Произведение Иоанна IV – это своего рода политический манифест, направленный ко внутригосударственным и внешнеполитическим оппонентам. Система аргументации Грозного строится в фокусе рассмотрения проблемы зла и ответственности за него и зиждется на мировоззренческих особенностях духовно-политической среды эпохи. Вследствие этого первое послание русского государя приобретает максимальную глубину и проработанность идей. Неудивительно, что Курбскому не удалось составить достойный ответ своему оппоненту – второе послание князя так и не было отправлено.

Проблематика зла становится отправной точкой рассуждений русского царя-мыслителя, что позволяет ему филигранно маневрировать между

---

¹ Несколькими веками позже князь Андрей был возведен частью отечественной интеллигенции в ранг первого русского диссидента и борца с царской тиранией. Однако исторические исследования деятельности опального князя говорят о преувеличении и зачастую принятии желаемого за действительное. Андрей Курбский продавал стратегически значимую информацию военным противникам Руси во время войны. Показательно также, что тайные сношения Курбского с иностранной разведкой начались задолго до его побега из г. Юрьева. Кроме этого, князь участвовал в военных походах против своей страны, поэтому государственная измена Курбского не вызывает сомнений. Подробно см.: [2. С. 88–99]; [3. С. 187–196].

² Одновременно знакомя с ней и весь западный мир, так как по понятным причинам его переписка с опальным боярином становилась достоянием общественности как на Руси, так и в Европе. Важно отметить также, что послание написано за три года до получения официального благословения на царствование из Константинополя (1567 г.), что может говорить о том, что Иоанну Васильевичу было важно продемонстрировать свои политические установки перед Западом вследствие еще шаткого своего положения на мировой политической арене [4. С. 183].

областью этики и сферой политики и идеологии. Иоанн Васильевич обращается к широкому спектру предшествующих идей, среди которых, в первую очередь, необходимо назвать византийское святоотеческое наследие. Восточнохристианская концепция зла зиждется на важнейшем постулате, согласно которому истинное зло есть грех, а грех – это, в первую очередь, измена Господу, богоотступничество, отпадение человека от Бога³. Василий Великий выделяет зло «в собственном смысле» и зло «мнимое» [6. С. 420–422]. Зло «в собственном смысле» – это грех отчуждения от Господа. «Мнимое» же зло – это те страдания и бедствия, которые сопровождают человеческую жизнь, на самом же деле, по мнению Святого Отца, являющиеся посылаемыми человеку испытаниями, пройдя через которые он может очиститься, исцелиться от первородного греха и приблизиться к Богу [7. Р. 147]. Таким образом, «мнимое» зло есть на самом деле добро, так как именно им Бог истребляет зло истинное, то есть грех [6. С. 423–433].

Для Андрея Курбского понятие зла имеет индивидуально-личностный смысл – это, в первую очередь, моральное или физическое притеснение самого индивида. Жизнь человека имеет ценностное значение для опального боярина, но жизнь лишь своя собственная⁴ – он ни за кого не готов нести ответственность, не готов жертвовать собой ради другого, не признает и своей вины [8. С. 77], несмотря на то, что обвинение в измене накладывало на него тень бесславия на всю оставшуюся жизнь и не только у себя на Родине, но и за рубежом (об этом его предупреждает и сам Грозный). Этим опальный князь лишает себя твердой морально-нравственной позиции [1. С. 6]. С точки зрения восточнохристианской концепции Курбский считает истинным злом лишь зло «мнимое», на это и указывает ему русский царь, иронично удивляясь тому факту, что князь не захотел пострадать за веру и правду, но предал Отечество ради тщеславия и сребролюбия [8. С. 26]. Иными словами, князь Курбский, испугавшись уготованных Господом испытаний, идет на самый страшный грех – предательство веры.

Говоря о том, что он не изменяет истинной православной вере, князь, безусловно, лукавит. Об этом убедительно повествуют события церковной истории. В 1439 г. киевским митрополитом Исидором была подписана Ферраро-Флорентийская уния, документ, по которому православная церковь признавала латинское учение, следствием чего становится изгнание Исидора Василием II из Москвы, что фактически привело к тому, что Московская митрополия получила статус автокефалии [9. С. 356]. Киевская же оставалась

---

³ Ириной Лионский, в свою очередь, считает, что зло от неповиновения Богу, от сопротивления Божественному закону [5. С. 53].

⁴ В послании Андрея Курбского ясно слышен отзвук конфликта между царской властью и олигархическими кругами боярской и церковной знати, делящимися на определенные группировки. Претензии А. Курбского сводятся в основном к тому, что Грозный приблизил к себе группировку, взгляды и интересы которой были противоположны интересам самого князя и его соратников. Подробно о взаимоотношениях царя и боярства см.: [2].

митрополией на территории Великого княжества Литовского и Королевства Польского, куда и бежал опальный князь. В 1596 г. киевским епископатом была принята Брестская уния с Римской церковью, что означало принятие католического вероучения и переход под власть Папы Римского при сохранении богослужения византийской традиции, после чего Киевская митрополия была переименована в Русскую униатскую церковь. Таким образом, время переписки Иоанна Грозного с Андреем Курбским попадает как раз на период между подписанием двух уний, после последней из которых Киевская митрополия окончательно порывает с Московской. Для царя Иоанна Васильевича Курбский – предатель Господа, который бежал к таким же предателям истинной православной веры – униатам [8. С. 26, 28].

Согласно воззрениям Иоанна IV понятие зла приобретает общечеловеческое, государственное значение, так как он несет ответственность за многих – за всю свою страну и весь свой народ: «Но ино убо еже свою душу спасати, ино же многими душами и телесы пещися⁵» [8. С. 36]. Зло для Грозного, что соответствует восточнохристианской традиции, есть предательство, то есть отпадение от Господа. Но Вседержитель, в свою очередь, определил божественность царской власти⁶, следовательно отпадение от нее есть такая же измена: «Яко противляйся власти Богу противится; аще убо кто Богу противится, – сей отступник именуется, еже убо горчайшее согрѣшение» [8. С. 26].

С точки зрения преемственности идей византийской патристики аргументация Грозного очень логична и последовательна. Борьба с истинным злом – это борьба с изменой путем очищения своего государства во имя Бога и самого государства от источника зла – от предателей. Важным аспектом является тот факт, что все изменники, по мнению автора, исключены из иерархии, т.е. не являются теми, за кого русский государь как божественный наместник несет ответственность перед Богом, соответственно борьба с ними приравнивается в сознании автора к сопротивлению внешним военным врагам.

Идея власти царя-мыслителя выступает в преемственности с воззрениями на священную иерархию автора «*Corpus Areopagiticum*» – Псевдо-

⁵ Воззрения Грозного совпадают с мыслями Иосифа Волоцкого, который в посланиях Василию III, отцу Иоанна IV, отмечает: «Подобает же ти, благочестивый царю, всяко тщания и о благочестии имети и сущих под тобою от треволнения спасати, душевна и телесна и душевное бо есть треволнение еретическое учение, телесное же есть треволнение – татьба и разбойничество, хищение, и неправда, и обиды, и прочия злаа дела, иже убо телесне врежуют, а не душевне» [10. С. 184]. Таким образом, становится понятно, что именно подразумевает царь Иоанн под заботой о душах и телах своих поданных.

⁶ Здесь снова возникает аллюзия на послания Иосифа Волоцкого, ср.: «Сего ради слышите, царие и князи, и разумеите, яко от бога дана бысть держава вам. Вас бо бог в себе место избра на земли и на свой престол вознес, посади, милость и живот положи у вас» [10. С. 230].

Дионисия Ареопагита, которого Грозный часто цитирует⁷ [11. С. 41]. Согласно учению Псевдо-Дионисия иерархия есть священная организация, целью которой является распространение божественной благодати – уподобление Всевышнему и соединение с Ним [12. С. 71]. Во главе иерархии стоит сам Господь, божественная благодать распространяется среди чинов по принципу от высшего к низшему, при этом во власти высшего чина лежит определение всей нижестоящей иерархии. Главным условием восприятия божественного дара является соблюдение иерархического принципа и, как следствие, включенность в саму иерархию [13. С. 171]. Таким образом, святость чина царя определяется статусом иерархического чина [13. С. 175]. Из этого же принципа рождается присущий средневековому мышлению монархический или имперский тип патриотизма, при котором понятия служения государю и служения государству тождественны и неотделимы друг от друга.

Иоанн Васильевич, синтезируя этический аспект своей идеологии с политическим, вводит патриотические компоненты в византийскую схему представлений о зле. Великим грехом и «нѣсть злѣ злобы» [8. С. 34], по мысли русского государя, является *измена Богу, Родине и царю*. Выводя на первый план эту этико-идеологическую триаду, Грозный декларирует наиважнейший принцип нерушимой духовной связи русской государственности и русского веры. Так, Д.С. Мережковский отмечает: «Самодержавие, вера в русское царство и православие, вера в русского Бога – два исторических явления одной и той же метафизической сущности» [14. С. 365]⁸.

Замечателен тот факт, что, по словам Г.В. Флоровского, в период правления Грозного происходит явный разворот от греческой культуры в сторону своих собственных национальных истоков: «В эпоху Макария в Москве стремятся и стараются “строить культуру как систему”. Это было время собирания. Собирали старину, – притом именно местную, русскую старину, к греческим образцам заново не обращались. “В XVI веке греческий источник стал заменяться своим, древнерусским”» [11. С. 41]. Одним из таких «древнерусских источников» становится для Иоанна Васильевича образ и пример великого князя Владимира Мономаха, прямо или косвенно оказавший влияние на мировоззренческую парадигму русского царя.

Именно от княжеской ветви Мономаха Иоанн Васильевич ведет свою родословную, с упоминания об этом начинается его послание Курбскому. Сближает их и то, что мать Владимира и бабушка Иоанна находились в реальных⁹

⁷ «Ареопагитики» были включены в «Великие Четьи Миней», подготовкой которых занимался сам свт. Макарий Московский, будучи митрополитом в первые годы правления Иоанна Васильевича.

⁸ Этот же синтез отмечен П.А. Флоренским: «Идея царя соединилась с идеей православия, Церковь стала немыслима без царя» [15. С. 642].

⁹ А не выдуманных позднее, ведущих свое начало от императора Августа. Мать князя Владимира – Мономахиня – была из императорской династии. В историографической традиции не сохранилось ее имени и подробностей ее генеалогических связей с императорской семьей, однако эти связи упоминает летописец, сам Владимир Мономах и митрополит Никифор (грек

родственных связях с византийской императорской семьей. В данной связи не вызывает сомнений знакомство Иоанна Грозного с «Поучением» Владимира Мономаха, адресованным потомкам, одним из которых и является первый русский царь. Радение о земле Русской было наиглавнейшей целью деятельности и этического локуса мировоззрения Владимира Мономаха, о ней же, в первую очередь, мыслит и Иоанн IV. Для осмысления идейной преемственности сочинений великого князя и первого русского царя необходимо обратиться к тексту письма к Олегу Святославичу, которое является важной частью «Поучения».

Размышляя над темой зла в своем этико-политическом «микротрактате» [17. С. 137], Владимир Мономах выстраивает свою собственную методику противостояния греху, которую сам мыслитель выражает формулой из Псалтыри: «Уклонися от зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в вѣкы вѣка» (Пс. 36, 10–17. 19. 21–27) [18. С. 458]. Основным способом борьбы с имманентным злом, по мнению великого князя, выступает «уклонение» или морально-нравственный самоконтроль. Особое значение в плане практического применения княжеских идей имеет его письмо двоюродному брату – Олегу Святославичу. Обратимся к историческому контексту предшествующих посланию событий. В 1094 г. Олег Святославич Тмутороканский приходит на Русь с половецким войском и захватывает Чернигов. Половцы бесчинствуют в Черниговской и части Киевской земель (разрушен Киево-Печерский монастырь). После изгнания Владимиром Мономахом своего двоюродного брата из Чернигова в 1096 г. несмирившийся Олег захватывает Муром, Суздаль и Ростов. В битве за Муром погибает младший сын Мономаха Изяслав [19. С. 17]. Мстислав Владимирович, старший сын великого князя, несколько раз предлагает Олегу мирные переговоры, от которых он отказывается, продолжая сражения. В 1097 г. войско Олега Святославича было разбито, после чего Владимир Мономах направляет своему брату послание, в котором предлагает ему примирение и совместное покаяние, выказывая поистине христианское всепрощение – освобождает своего оппонента от вины за смерть своего сына и крестного сына самого Олега – Изяслава: «Аще не отпустите прегрѣшений брату, ни вам отпустить Отець вашъ небесный» [18. С. 472] Не дожидаясь покаяния от двоюродного брата, Владимир кается ему в собственных грехах, отказываясь от ответного насилия и мести, обещает вернуть родовую отчину Чернигов и Муром [17. С. 138]. Прощая Олега еще до его покаяния, он берет ответственность за содеянное им, а также за совершенное своим сыном Изяславом.

по происхождению, ставленник константинопольского патриарха) [16. С. 57]. Бабушка Иоанна IV – Софья Палеолог – была племянницей последнего императора Византии Константина XI Палеолога. Стоит также вспомнить, что сестрой византийского императора Василия II была и супруга Владимира Святославича Анна, однако, по свидетельствам источников, детей от этого брака скорее всего не было.

Столь беспрецедентное смирение в сложившейся ситуации имеет за собой очень важную политическую цель – избежать междоусобных кровопролитий. Цитируя своего старшего сына, Мономах пишет: «Ладимься и смѣримся, а братцю моему судъ пришесть. А вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога, а стануть си пред Богомъ; а Русьскы земли не погубим» [18. С. 472]. Поступок великого князя говорит о том, что для него как для правителя личностное и индивидуальное отходит на второй план. В первую очередь, он несет ответственность за всю Русскую землю, поэтому ради нее готов простить личное зло, сотворенное ему двоюродным братом: «Понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Русьскѣй земли» [18. С. 474]. Имея основания и власть для мести человеку, повинному в смерти его ребенка, Мономах выбирает прощение и примирение. Так выкристаллизовывается основная интенция политической идеологии Мономаха: быть правителем огромного государства значит не только иметь безграничную власть, но, в первую очередь, нести почти космическую ответственность не только за себя, но за всех – быть в ответе за каждое зло, творимое его подданными. Но самое главное – эта жертва собой, своими личностными интересами и чувствами оправдана в глазах Мономаха тем, что творится она ради Родины и мира.

Для Мономаха самый страшный грех – это любое сознательное потворство злу, которое влечет за собой усугубление этого самого греха. Соответственно, борьба со злом – это желание пресечь размножение и распространение зла в моменте его осознания, одним из главных принципов которого для Владимира Мономаха выступает самопожертвование как возможная форма уклонения от зла. В ситуации морального выбора великого князя Руси это самопожертвование совершается во имя благополучия своей Родины – Мономах жертвует своим личным во имя процветания Отечества.

Правление Владимира Мономаха характеризуется стабильностью, усилением Киевской Руси и централизацией власти вокруг большей части русских земель. Между тем осознание бремени сверхличностной ответственности за зло и священного долга перед Отечеством превращает Мономаха (еще де-факто, но не де-юре) в наместника Бога¹⁰ на земле, и в случае князя Владимира – это абсолютно *евангельский тип правителя* – смиренный, всепрощающий, жертвенный. В целом, можно сказать, что Владимир Всеволодович Мономах только предчувствует ту идею, которую разовьет и начнет воплощать в жизнь в своей этико-политической программе его потомок – царь Иоанн Васильевич Грозный.

---

¹⁰ Согласно восточнохристианской традиции византийский император нес полную ответственность перед Богом за своих поданных. Русь заимствует эту идею божьего благословения правителя Руси, которая найдет свое воплощение в послемонгольский период. Между тем Владимир Мономах еще в XII веке развивает мысль об абсолютной власти и равновеликой ответственности перед Богом за все, что происходит в его владениях.

О связи с образом великого предка говорит и то обстоятельство, что большинство сохранившихся изображений Владимира Мономаха, аккумулированных в Кремле и Успенском соборе, созданы в эпоху именно царя Иоанна IV, а точнее вскоре после его венчания на царство [20. С. 687]. В этой связи представляет интерес рассмотрение «Сказания о князьях владимирских», связанного с Чином венчания первого русского царя как еще одного из собственно русских источников построения идеологической концепции Иоанна Грозного. Сказание с одной стороны повествует о легендарном происхождении Рюриковичей от римского кесаря Августа, а с другой – о не менее легендарной передаче византийским императором Константином Момахом Владимиру Всеволодовичу знаков царского достоинства – даров «иже от начатка вѣчных лѣтъ твоего родства и поколѣнья царьский жребий, на славу и честь и на венчание твоего волнаго и самодержавнаго царства» [21. С. 398]. Этими дарами великий киевский князь был венчан на царство и наречен царем «великия Русия» [21. С. 398]. Эта генеалогическая легенда является не только одним из аргументов, доказывающих право Иоанна на царский венец и на самодержавную форму правления в силу показанной преемственности власти московских князей от владимирских и киевских, но и демонстрирует широту исторического мышления, сходного с воззрениями митрополита Илариона – автора «Слова о Законе и Благодати». Стоит отметить, что сказание не призвано подчеркнуть религиозную или национальную исключительность Руси, а как раз наоборот – является попыткой вписать ее историю в мировую. «Сказание о князьях владимирских» будет играть одну из ключевых ролей в создании теории «Москва – Третий Рим», которая, в свою очередь, важна для рефлексии идейного смысла понятия Родины, измена которой приравнена в этической концепции Иоанна Грозного к самому страшному греху¹¹.

После падения Константинополя в 1453 году восточной ветви христианства необходим был новый культурный, духовный и политический центр. Этим центром становится Русь, крепнущая и беспрестанно расширяющая свои границы, чему способствует и падение империи великих монгольских ханов, владевших половиной мира [2. С. 22]. Иоанн Васильевич претендует на звание императора, на божественную благословенность своего титула и на противопоставленность императору Западной Римской империи. И претензии Москвы на звание третьего Рима не голословны – Грозный действительно строит империю, расширяя земли на Восток (взятие Казанского, Астраханского ханств, покорение Западной Сибири), собирая воедино золотоордынские обломки и предпринимая попытки к расширению выхода к Балтийскому

---

¹¹ Стоит отметить, что понятие государственной измены во времена царя Иоанна юридически еще никак не закреплено. Однако важно подчеркнуть, что подобное государственное преступление с XX века, что зафиксировано в Уголовном кодексе, характеризуется как особо опасное.

морю (война с Ливонией). Его письмо к Курбскому – это письменно закрепленная и декларируемая программа в дополнение к дальновидной внешней политике.

В данной связи символ третьего Рима (но, что важно, не второго Константинополя) становится необычайно важен для идеологии Иоанна IV. Как под третьим Римом подразумевается Римская империя, так и под Москвой – все царство великой Руси. По справедливому замечанию Н.В. Сеницыной, неслучайно избран Рим времен императора Августа, что, с одной стороны, выводит Русь за пределы византийского мира, расширяя его границы и включая в него Европу и восточно-средиземноморскую ойкумену, а с другой – акцентирует внимание на месте и времени Воплощения Бога-Слова [22. С. 197]. В послании польскому королю Стефану Баторию 1579 г. Иоанн Васильевич назовет Русь *островом*, на котором святые угодили Господу молитвами и молениями [23. С. 176], то есть избранной самим Богом землей, единственным оплотом истинного христианства, окруженного враждебно настроенными к нему иноплемениками. Иоанн IV уповает, что Господь «свое достояние искру благочестия истинного христианства в Росийском царстве сохранить и державу нашу утвердить от всяких лвовъ, пыхающих на ны» [23. С. 178]. Здесь Русь, по мысли государя, представляется благословенной и избранной самим Богом для спасения, неким метафизическим пространством Святой Руси, являющимся соединением земной Родины с преобразованной – вечной, небесной и охраняемой самим Господом.

Родина для Иоанна Васильевича – это и большое могущественное государство, властвовать над которым он поставлен самим Богом («Росийское царствие», «держава») [23. С. 178], и просторы родной земли («Руская земля»), и русский народ («православное христианство», «народъ христианский¹²»), и священное пространство со своей самобытной судьбой и особенной миссией («росийский остров», «достояние» Господа Бога, «Отечество», «Руская земля яко птица»). Главной миссией же царя, государя всея Руси, по мнению Грозного, выступает защита Отечества – в этом он видит свое служение ей и истинную борьбу со злом. Единству и суверенитету его государства угрожают не только внешние враги, но в большей степени внутренние проблемы, главной из которых является кризис, связанный с пережитками феодальной раздробленности. Несколько раз в своем послании русский царь напоминает Курбскому о том, что эта проблема крайне актуальна [8. С. 36, 48, 50] – местнические порядки давали возможность высшей аристократической знати (удельным князьям и боярам) не только занимать высшие посты по наследственному принципу, а не по заслугам, но и владеть и распоряжаться по своему усмотрению обширнейшими землями на правах

---

¹² П.А. Флоренский отмечает это своеобразие восприятия народности и веры и их синонимичность в сознании русского народа; философ подчеркивает, что для «армян, болгар, греков и русских народность неотделима от церковности, так что “православный” и “русский” становятся синонимами» [15. С. 641].

вотчинников [2. С. 30]. Жива была еще память о временах вражды и раздробленности русских княжеств и о вечных междоусобных бранях, а также о том, к чему это привело – и ста лет еще не прошло с даты, когда произошло Стояние на Угре, после чего было сброшено трехсотлетнее золотоордынское иго. И снова обнаруживает себя логика патриотической этики Иоанна Грозного – если нападение внешнего врага на Отечество – это есть зло «мнимое», predeterminedная Господом данность, при которой нет другого выхода, как смиренно встать на защиту государства, то с внутренним злом, то есть злом «в собственном смысле», необходимо бороться¹³, искореняя его. Так становится ясно видна мировоззренческая основа, присущая мысли царя, при которой Родина выступает макрокосмической моделью, а государь – микрокосмической, порой отождествленными между собой [24. С. 265]. Отечество видится живым организмом с присущими ему греховными особенностями, царь же выступает с одной стороны микрокосмом, со свойственной ему человеческой природой, а с другой – наиважнейшей частью организма своего Отечества – разумом, несущим ответственность за совокупность зла своего обширного государства и за борьбу с этим злом.

Подойдя вплотную к вопросу о том, кто же таков истинный государь всея Руси в понимании Иоанна Васильевича, обратим внимание на некоторую текстологическую специфику письма царя. При внимательном его прочтении ясно слышимы два повествующих голоса, они неоднородны и в некоторых случаях не согласованы между собой, что, с одной стороны, придает тексту объем, рельефность, экспрессивную оригинальность и самобытность, но с другой – может говорить о противоречивости натуры автора, в котором две его грани зачастую находятся в противоборстве друг с другом. Государь всея Руси, по мысли Иоанна Васильевича, является, с одной стороны, смертным человеком со всем спектром индивидуально-личностных качеств, а с другой – правителем огромного государства, что придает ему сверхличностные черты, основанные на идее священного долга перед Отечеством и всеобщей ответственности за весь свой народ перед Богом.

Андрей Курбский в своих посланиях и «Истории о великом князе Московском» обвиняет оппонента во всех возможных пороках, препарирует его личность в попытке поиска черт маниакальности, проявленной якобы даже в младенчестве. Здесь ясно различим феномен побочного эффекта сверхличностной ответственности за зло, коей выступает мифологизированная инфернализация человека, находящегося у власти¹⁴. Иными словами, если Грозный по собственной воле взял на себя ответственность за всех и за все зло, то ему

---

¹³ Стоит отметить, что методы борьбы, избираемые Иоанном Васильевичем, были различными в тот или иной период его правления. Возможно, причиной принятия более жестких мер была несостоявшаяся и не принесшая необходимых результатов политика «мягких» реформ [2. С. 30–43].

¹⁴ То же самое мы можем наблюдать и по отношению к Петру I, личности неоднозначной и противоречивой, также снискавшей себе славу Антихриста.

начинает приписываться равновеликая этой ответственности сверхличностная же греховность. Амбивалентность, то есть обожествление правителя или его демонизация (Христос/Антихрист¹⁵) – в сущности, не столь важно, со знаком плюс это отношение или со знаком минус – это все равно отношение к правителю как к сверхличности, обладающей сверхспособностями. Важно то, что в обоих случаях власть признается сверхчеловеческой. Таким образом, даже опальный князь, выступающий против русского царя, по сути, беспрекословно верит в его богоизбранность. Иоанн Васильевич же, со своей стороны, обвиняет оппонента в Наватской ереси, настаивая в своем послании на том, что он всего лишь человек, от которого нельзя требовать чего-либо, что выше его человеческой же природы [8. С. 25, 28–32, 64]. Более того, он явно акцентирует на этом факте внимание читателей, посвящая большую часть текста именно собственно человеческим, личностным своим воспоминаниям о детстве, юности, о своих чувствах, обидах, надеждах. Как человек Иоанн Васильевич кается в своих грехах, проговаривая каждый из которых подробно и обстоятельно¹⁶. Особое внимание русский государь уделяет тому обстоятельству, и это сближает его идеи с воззрениями Владимира Мономаха¹⁷, что он не применял смертной казни по отношению к лицам, которые причинили зло ему лично [8. С. 50, 54, 56, 66].

Совершенно иным предстает перед нами автор, когда речь идет о борьбе со злом, грозящим или причиненным его Отечеству. Ради благополучия Родины, по мысли Иоанна IV, оправдана любая жертва – собой или вероломными поданными¹⁸. Здесь возникает сверхличностный образ царя, который можно было бы охарактеризовать, в отличие от евангельского типа Владимира Мономаха, как *ветхозаветный – суровый, но справедливый, карающий и милующий по заслугам*: «Всегда бо царемъ подобаетъ обозрительнымъ быти:

¹⁵ Многие исследователи отмечают, что образ Грозного в «Истории» Курбского метафорически изображает Антихриста. Однако отметим, что все произведение опального князя и его письма вследствие крайней субъективности оценки излагаемых событий больше похожи на то, что современным языком называется «черный пиар», при котором используются те же способы маскировки, применяемые и самим Курбским: борьба за свободу, справедливость и права человека, демократию и проч.

¹⁶ Примечательно, как в третьем послании Курбского, что выдает его слабую позицию, это особенно раздражает князя, не готового, с одной стороны, подвергнуть свою собственную личность и совесть раскаянию, а с другой – не понимающего цели этого внезапного и осознанного сбоя иерархического порядка [8. С. 84].

¹⁷ «Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повинень смерти, а душа не погубляйте никакаяже хрестьяны» [18. С. 461].

¹⁸ Основное обвинение выдвинуто Алексею Адашеву, осознанно или случайно провалившему переговоры с датским королем, что позволило ливонцам выиграть целый год для того, чтобы собрать военную коалицию против Руси, а также воеводам, тормозившим ход кампании [2. С. 65–68]. Это событие, по мнению Грозного, сыграло решающую роль в исходе Ливонской войны, оказавшейся для Руси крайне неудачной. Грозный акцентирует внимание на том, что эта война могла бы пройти быстро и с минимальными кровопролитиями с обеих сторон, но из-за проволочек превратилась в долгую и кровавую бойню, где погибло большое число христиан [8. С. 62–64].

овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ; ко благимъ убо милость и кротость, ко злому же ярость и мучение, аще ли сего не имѣя, нѣсть царь. Царь бо нѣсть боязнь дѣломъ благимъ, но злымъ. Хощеши ли не бояться власти, то благое твори; аще ли зло твориши, бойся, не бо туне мечь носить – в мечь убо злодѣемъ, в похвалу же добродѣемъ» [8. С. 34]. Эти царские суждения созвучны «Просветителю» Иосифа Волоцкого, в котором преподобный детерминирует мысль о том, что служение царю, во-первых, заповедано Господом, во-вторых, воспитывает и укрепляет страх Божий, «ведь Царь “есть Божий слуга” (Рим. 13, 4), для милости и наказания людям» [25. С. 176].

Однако в дуальности природы русского правителя, которую подчеркивает Иоанн Васильевич, обнаруживается косвенная аналогия с природой именно Бога-Слова. Общеизвестно, что одним из титулов Иисуса Христа помимо Пророка и Первосвященника выступает именно Царь, позволяя еще византийцам сближать образ императора и Христа [13. С. 172]. Между тем Иоанн Грозный не претендует на звание Бога, но идет в своей теории дальше. Грозный создает идеологию не только правящей элиты, он создает мессианскую идеологию русского народа и продолжает народную идею священности Руси, потому что сам он выступает не просто персонификацией, но именно *воплощением* своей Родины и своего народа в том смысле, как Христос выступает Боговоплощением: Сыном Божьим, ставшим Сыном Человеческим. Священность этого воплощения определяется сакральным отношением к своему Отечеству, ощущением его богоизбранности, священности. Как Сын Божий своей великой жертвой искупил грехи всего человечества, так правитель священной Руси, жертвуя своей личностью, берет на себя ответственность за весь свой народ и будет искупать его грехи как свои собственные перед Господом на Страшном суде. Важно помнить, что ответственность за другого – это всегда служение и всегда жертва, но жертва, в случае Владимира Мономаха и Иоанна IV Грозного во имя любви к наивысшей духовно-нравственной ценности и святыне – Родине.

Заключение

Иоанн Грозный воссоздал и сформулировал идею русской власти, основанную на оригинальной философской переработке предшествующего теоретического опыта от византийского до собственно русского. Основой ее выступает мысль о космической, сверхличностной (но не божественной) ответственности за зло и священном долге перед Отечеством. И это не только идея самодержавия и всей русской государственности, но это национальная идея, оформление которой совпадает с формированием самоидентичности русского народа. Показательно, на наш взгляд, что оба произведения средневековой философской мысли – «Поучение» Владимира Мономаха и «Послание» Иоанна Грозного – написаны в преддверии (но не накануне) двух самых мощных потрясений в истории России: первое в предчувствии лихолетья татаро-

монгольского нашествия, второе – Смутного времени. В этом состоит их максимальная морально-нравственная значимость и ценность для потомков. Идеи, высказанные столетия назад, начинают жить своей собственной самостоятельной жизнью, преломляясь и оказывая влияние на все последующие века и на современность. Размышляя на тему моральных основ патриотизма, мыслители развивают идейную преемственность отечественной философской этики в ее глубинных размышлениях о судьбе своей страны в циклично повторяющихся исторических периодах, о служении Отечеству, о любви к Родине и ответственности за нее, о том единственно важном духовном и оживотворенном пространстве, объединяющем и объемлющем нас.

Список литературы

- [1] *Лихачев Д.* На пути к новому литературному сознанию // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М. : Издательство «Художественная литература», 1986. С. 5–14.
- [2] *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М. : Наука, 1975.
- [3] *Флюшкис А.И.* Андрей Курбский. М. : Молодая гвардия, 2008.
- [4] *Замалева А.Ф.* Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.). Л. : Издательство «Наука», 1987.
- [5] *Иринея Лионский.* Обличение и опровержение лжеименного знания (Против ересей) / пер. прот. П. Преображенского, Н.И. Сагарды. СПб. : Изд. Олега Абышко, 2008.
- [6] *Василий Великий.* Творения: в 2 томах. Т. 1. М. : Сибирская благовонница, 2008.
- [7] *Chistyakova O.V.* Religious anthropology of eastern (Greek-byzantine) patristics // *European Journal of Science and Theology.* 2019. Vol. 15. N 6. P. 145–155.
- [8] Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным / подгот. текста Ю.Д. Рыкова, Е.И. Ванеевой, Я.С. Лурье, пер. О.В. Творогова, коммент Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыкова // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М. : Издательство «Художественная литература», 1986. С. 16–107.
- [9] *Митрополит Иларион (Алфеев).* Православие: в 2 томах. Т. 1. М. : Издательский дом «Познание», 2021.
- [10] Послания Иосифа Волоцкого / подгот. текста А.А. Зимина и А.С. Лурье. М., Л. : Издательство Академии наук СССР, 1959.
- [11] *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2009.
- [12] *Дионисий Ареопагит.* О небесной иерархии // Сочинения. Толкования Максима Исповедника / пер. с греч. и вступ. ст. Г.М. Прохорова. СПб. : Алетейя, 2002. С. 37–206.
- [13] *Семиконов Д.В.* Метафизика насилия в политическом богословии царя Иоанна IV Грозного // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2019. № 17. С. 165–196.
- [14] *Мережковский Д.С.* Не мир, но меч. М. : АСТ, 2000.
- [15] *Флоренский П.А.* Православие // Сочинения: в 4 томах. Т. 1. М. : Мысль, 1994. С. 638–662.
- [16] Послание Владимиру Мономаху о посте и воздержании чувств: Древнерусский текст по рукописи ГИМ, Синод. собр. № 496 (№ 110 по А.И. Горскому) // Послания митрополита Никифора. М. : ИФ РАН, 2000. С. 56–74.

- [17] Мильков В.В. Этико-политическая программа Владимира Мономаха // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 4. С. 134–147. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2020-13-4-134-147>
- [18] Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. Т. 1. СПб. : Наука, 1997. С. 456–475.
- [19] Творогов О.В. Древняя Русь: события и люди. СПб. : Наука, 1994.
- [20] Назаренко А.В., Романенко Е.В., Самойлова Т.Е. Владимир (Василий) Всеволодович Мономах // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004. С. 681–688.
- [21] Сказание о князьях владимирских // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. Т. 9. СПб. : Наука, 2000. С. 387–403.
- [22] Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М. : Издательство «Индрик», 1998.
- [23] Послание польскому королю Стефану Баторию 1579 года / подгот. текста Е.И. Ванеевой, пер. и коммент. Я.С. Лурье // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М. : Художественная литература, 1986. С. 174–180.
- [24] Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996.
- [25] Преподобный Иосиф Волоцкий. Просветитель / предисл. митр. Иоанн (Сычев), отв. ред., авт. послесл. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011.

References

- [1] Likhachev D. On the way to a new literary consciousness. In: *Monuments of literature of Ancient Russia the second half of the XVI century*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura publ.; 1986. P. 5–14. (In Russian).
- [2] Skrynnikov RG. *John the Terrible*. Moscow: Nauka publ.; 1975. (In Russian).
- [3] Filyushkin AI. *Andrey Kurbsky*. Moscow: Molodaya gvardiya publ.; 2008. (In Russian).
- [4] Zamaleev AF. *Philosophical thought in medieval Russia (XI–XVI centuries)*. Leningrad: Nauka publ.; 1987. (In Russian).
- [5] Irenaeus of Lyon. *Denunciation and refutation of false knowledge (Against heresies)*. Preobrazhensky P, Sagardy NI, transl. Saint Petersburg: Oleg Abyshko publ.; 2008. (In Russian).
- [6] Basil the Great. *Creations: in 2 volumes*. Vol. 1. Moscow: Sibirskaya blagozvonnica publ.; 2008. (In Russian).
- [7] Chistyakova OV. Religious anthropology of eastern (Greek-byzantine) patristics. *European Journal of Science and Theology*. 2019;15(6):145–155.
- [8] Correspondence of Andrei Kurbsky with John the Terrible. Rykov YuD, Vaneeva EI, Lurie YaS, prep. Tvorogov OV, transl. Lurie YaS, Rykov YuD, comment. In: *Monuments of literature of Ancient Russia. The second half of the XVI century*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura publ.; 1986. P. 16–107. (In old Russian).
- [9] Metropolitan Hilarion (Alfeyev). In: *Orthodoxy*. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Poznanie publ.; 2021. (In Russian).
- [10] *The Epistles of Joseph Volotsky*. Zimin AA, Lurie AS, prep. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR publ.; 1959. (In old Russian).
- [11] Florovsky GV. *The ways of Russian theology*. Platonov O, editor. Moscow: Institut russkoj civilizacii publ.; 2009. (In Russian).

- [12] Dionysius the Areopagite. In: *On the heavenly hierarchy. Writings. Interpretations of Maxim the Confessor*. Prokhorov GM, transl. Saint Petersburg: Aleteya publ.; 2002. P. 37–206. (In Russian).
- [13] Semikopov DV. Metaphysics of violence in the political theology of Tsar John IV the Terrible. In: *Trudy Nizhegorodskoj duhovnoj seminarii*. 2019. N 17. P. 165–196. (In Russian).
- [14] Merezhkovsky DS. *Not the world, but the sword*. Moscow: AST publ.; 2000. (In Russian).
- [15] Florensky PA. Orthodoxy. In: *Works*. In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl' publ.; 1994. P. 638–662. (In Russian).
- [16] Message to Vladimir Monomakh about fasting and abstinence of feelings: Ancient Russian text based on the manuscript of the GIM, Synod. Collection No. 496 (No. 110 according to A.I. Gorsky). In: *Epistles of Metropolitan Nikifor*. Moscow: IF RAN publ.; 2000. P. 56–74. (In old Russian).
- [17] Milkov VV. The ethical and political program of Vladimir Monomakh. *Filosofskii zhurnal*. 2020;13(4):134–147. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2020-13-4-134-147> (In Russian).
- [18] The teaching of Vladimir Monomakh. In: *Library of Literature of Ancient Russia*. Likhachev DS, Dmitriev LA, Alekseev AA, Ponyrko NV, editors. Vol. 1. Saint Petersburg: Nauka publ.; 1997. P. 456–475. (In old Russian).
- [19] Tvorogov OV. *Ancient Russia: events and people*. Saint Petersburg: Nauka publ.; 1994. (In Russian).
- [20] Nazarenko AV, Romanenko EV, SamoiloVA TE. Vladimir (Vasily) Vsevolodovich Monomakh. In: *Orthodox Encyclopedia*. Vol. VIII. Moscow; 2004. P. 681–688. (In Russian).
- [21] The Legend of the Princes of Vladimir. In: *Library of Literature of Ancient Russia*. Likhachev DS, Dmitriev LA, Alekseev AA, Ponyrko NV, editors. Vol. 9. Saint Petersburg: Nauka publ.; 2000. P. 387–403. (In old Russian).
- [22] Sinitsyna NV. *The Third Rome. The origins and evolution of the Russian medieval concept. (XV–XVI centuries)*. Moscow: Indrik publ.; 1998. (In Russian).
- [23] A message to the Polish King Stefan Batory in 1579. Vaneeva EI, prep. Lurie YS, transl and comment. In: *Monuments of literature of Ancient Russia. The second half of the XVI century*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura publ.; 1986. P. 174–180. (In old Russian).
- [24] Schmidt SO. *At the origins of Russian absolutism. A study of the socio-political history of the time of Ivan the Terrible*. Moscow; 1996. (In Russian).
- [25] St. Joseph Volotsky. *The Educator*. Mitr. John (Snychev), pref. Platonov OA, editor. Moscow: Institut russkoj civilizacii publ.; 2011. (In old Russian).

Сведения об авторе:

Волкова Анастасия Алексеевна – кандидат философских наук, научный сотрудник, кафедра истории философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-3283-4603. SPIN-код: 3983-4454. E-mail: dead-ligeya@mail.ru

About the author:

Volkova Anastasiia A. – PhD in Philosophy, Researcher, Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-3283-4603. SPIN-code: 3983-4454. E-mail: dead-ligeya@mail.ru